

à la mort

(до смерті)

*Игра, где проигрыш, и выигрыш, ничего не значит
Где правил нет, там даже победитель плачет...*

- Смело говорите: «До смерти». Ибо это то, что неизбежно.

Мы живём в домах, напротив. Я редко видела её одиноко сидящую на скамейке. Чаще она играла с мальчишками, нежели с девчонками, позднее стала тусить с парнями, потом пропала. Как говорили, нашла себе молодого человека. И вот, объявилась снова... не одна, но без него.

Я видела её гуляющую с маленьким ребёнком достаточно часто и умилялась с них. Как она бегала с дочкой, как с ней играла... это просто загляденье. Я не помню в какой момент именно, но я достаточно давно испытываю к ней чувства более глубокие нежели просто дружба. Не знаю, как это могло произойти, но я влюбилась в неё с первого взгляда, как первый раз увидела с ребёнком. Мы частенько вместе гуляли и разговаривали обо всём. И постепенно сдружились очень сильно. Она до сих пор одевалась в невзрачную куртку и рваные джинсы, а сапоги без каблучков и смешная подростковая шапка с помпоном делали её ещё меньше, чем она была на самом деле. Эдакая переполненная нежностью мамочка-пацанка. Я, хоть и одевалась, более по девчачьи, но дух протеста стандартам, излучаемый ей, был мне по так же душе и знаком.

В какой-то момент она пропала из виду. Я не то что бы караулила её, но заметила отсутствие. Выждав некоторое время, я решилась зайти к ней домой. Ещё как-то давно, в детстве, я была у неё на дне рождения. Её родители удивительные люди. Всегда приветливые и открытые для любых бесед, будь то музыка, фильмы или ещё что. Они были очень мудры, так как насколько мне известно, никогда не обсуждали и не осуждали выбор своей дочери, что относительно игрушек, машинок вместо кукол, что относительно её парня. Но это было раньше.

Я поднялась на нужный этаж и позвонила в дверь. Открыла мне её мама. В лицо пахло алкоголем и сигаретами. Хоть как выяснилось, подружки дома не было, так как она подрабатывала в каком-то детском заведении допоздна, но меня всё равно радушно пригласили на чай.

Время и алкоголь не щадят никого. Жутко было смотреть на лица её родителей. Мы посидели некоторое время беседуя на отвлечённые темы, потом пришла и подруга.

Мы пошли к ней в комнату, а её дочку посадили перед старым телевизором смотреть какой-то мультфильм.

Только оставшись наедине со мной, она сбросила маску радости и удовлетворения. Она выглядела опустошённой и вымотанной. Конечно, я знала, что им приходится тяжело и помогала чем могла: словом, финансами... Её парень бросил их, когда дочке исполнился всего год. Это послужило точкой перехода от счастливой жизни к существованию. Её родители настолько сильно переживали это, что омут опьянения их не отпускал уже весьма долгое время. Они считали это своей ошибкой, свою мягкотелость. И по иронии судьбы, эта же мягкотелость и загнала их в бутылку с настолько узким горлышком, что выбраться оттуда не представлялось возможным.

Естественно, она не была с ним расписана. Это был порыв, любовь. Но следующий порыв времени унёс это, и она осталась одна. Я никогда не видела её такой убитой. Вот прямо как чувствовала и пришла. Я попыталась было начать разговор и по расспрашивать, что да как, но она или отмалчивалась, или односложно отвечала.

Я не могла себя сдерживать. Как этот прекрасный человек может так жить? За что ей всё это? Всё невезение? Расплата за что-то? Она же создана для того, чтобы улыбаться и радоваться!!! Я просила у всех богов дать мне возможность разделить с ней её боль. Вместе будет легче, проще, пережить...

Я села рядом и обняла её. Она даже не пошевелилась. Мне на миг показалось, что я обнимаю надутый шарик, который сдувается прямо у меня в руках. И я никак не могла понять куда надо надавить, где прикрыть брешь. От этого мне стало так жутко, что я заплакала. Она провела ладонью по моей щеке, нежно поправив растрепавшиеся волосы. Этот простой жест был подобен взмаху волшебной палочки. Алле-ап! И плотину, сдерживающую давящую изнутри жидкость, прорвало...

Мои слёзы потекли рекой. Я сжала её с такой силой, что ей пришлось даже выдохнуть, дабы я ей от избытка чувств не сломала рёбра. Она развернулась ко мне, и я уткнула своё лицо в неё, в выдавший виды свитер. Я причитала о всех кознях этого мира, не переставая тискать её, хоть и сознавая, что наши роли должны быть противоположны. Она заботливо гладила меня по голове что-то шушукая и успокаивая. Да она, знала, что я живу долгое время без родителей и страдаю от такого рода одиночества. Возможно поэтому она, хоть и неосознанно, делилась своей материнской любовью со мной. В этот миг я была счастлива настолько, насколько возможно несчастна была она. И я старалась всей силой, правда ничего у меня не выходило, поделиться с ней этим мигом эйфории.

Я пришла ей помочь, успокоить, сказать добрые напутственные слова, с которыми можно войти в следующий день, а получилось наоборот. Она даже не плакала. Толи так сильно была измучена, то ли уже всё слёзы были выплаканы ранее. Только грустная улыбка как будто бы заблудилась и осталась на её детском лице.

Я подняла голову и посмотрела ей в глаза. Проскочила невидимая искра. Она обняла моё лицо и поцеловала в глаза. Я не в силах сдержать порыв, поцеловала её солёные от моих слёз губы. Настал её черёд меня прижать к себе. И только когда она ослабила объятия, а поняла, что она хотела скрыть. Тёмная полоса туши прочертила дорожку на припухшей щеке.

- Милая моя, как я тебя люблю! Ты маленький ангел... Любовь до смерти... - шептала я ей.

Она действительно походила на ребёнка не только своим ростом, но своим отношением ко всему. Она смотрела на мир своими детскими зеленоватыми глазами, а он показывал ей весьма непристойные картинки. В то время, как все вокруг прокалывали себе в ушах, да и не только, уже по пятой дырке, у неё до сих пор в маленьких ушках было только по одному «гвоздику». Да и причёсками она не увлекалась. Стандартный французский «гаврош». Многие от этого балдели, а я иной раз просто глаз не могла оторвать от её лохм, умело «уложенных» подушкой с ветром. Унисекс во всём.

Так мы просидели, обнявшись неизвестно сколько времени. Её дочка вывела нас из забвения. Я поняла, что ей надо кормить её или что ещё делать по дому. Ещё раз поцеловав её насколько только возможно нежно, я встала и вышла в коридор, собираясь уходить. Пока я одевала обувь и пуховик, она вышла из комнаты, пропуская вперёд дочурку. Та деловито пошла на кухню, оставив нас наедине с друг с другом.

Однотонная тёплая рубаша на теле без лифчика, треники с дырками на отвисших коленях и толстые шерстяные носки вместо тапок. Ребёнок лет 14-15... Она подошла и посмотрела на меня чуть снизу... не до конца стёртая полоска туши, всё ещё напоминала об отнюдь не весёлом разговоре. Но в целом... этот взгляд ребёнка... Как можно просто смотреть на эти по-детски огромные ресницы и оставаться чёрствым? Они, одним лишь своим колыханием, разбудят пожар в самой глубине любого одушевлённого существа... Она пристально смотрела мне прямо в глаза, теребя пальчиками с разноцветными ноготками одну из оставшихся трёх пуговиц на рубаше. Как будто бы я сейчас скажу то очень важное, что ребёнок ждёт от волшебника. Я обняла её и шепнула на ушко: - Всегда найдутся те, кто нас будет любить вечно! Нужно просто...

Она, не дав договорить, прижала меня к себе своими худенькими ручками и захлопала носом. Я почувствовала, как опять покатались слёзы и постаралась быстро добавить, пока могу ещё говорить: - Я... я не знаю, что нужно. Может и не нужно ничего вообще... просто...

Она ослабила хватку, но не отпускала меня, и я тоже не могла пошевелиться. Потом, мы как в замедленной съёмке, медленно стали отдаляться друг от друга. Вот уже мы касаемся только кончиками пальцев... Оп, отрыв... Но нет, связь не потеряна, что-то между нами осталось и будет до конца.

Она опустила голову, не в силах больше смотреть мне в глаза, да и я не могла уже больше сдерживать опять изливающуюся влагу. Я быстро отвернулась, дабы не нанести ей заключительный удар своими эмоциями, и вышла за дверь.

Выйдя на улицу, я сперва не хотела оборачиваться, но потом всё же не удержалась. Она меня звала. Нет, не голосом, а как-то изнутри. Боже, какие муки!!! Невозможность быть рядом с любимым человеком в бессилии ему помочь убивает. Я дошла почти до самой дороги и встала. До дома оставалось несколько десятков шагов, просто перейти на другую сторону. Я встала на бордюр, прямо под фонарём и обернулась. В кухонном окне светился свет и суетились две тени. Было уже темно, но отличить детский силуэт я могла. Постояв минуту, я увидела, что и она тоже, отодвинув тюль, смотрит на меня. Поняв, что милая подружка меня увидела, я стала махать ей рукой, постепенно отходя назад, из освещённого фонарём круга, как со сцены. Я не могла отвернуться от окна. Она мне махала всё сильнее и кажется показывала куда-то в сторону. Я сделала ещё пару шагов назад и почти полностью поглощённая тьмой, посмотрела в сторону, куда, как мне показалось, указывала, моя любовь...

На миг, мне показалось, что это рассвет, ослепляет меня низкими лучами и я повернулась к окну, где стояла тень моей любви. Я успела послать ей воздушный поцелуй.

Шофёр не успел затормозить ...

